

СЭР НАЙДЖЕЛ

ПРЕДВАРЕНИЕ

Дама История столь строга, что всякий, кто, по неразумию, позволит себе допустить с ней вольность, обязан незамедлительно загладить свой проступок чистосердечным признанием и раскаянием. В этом повествовании некоторые события ради стройности и гармоничного развития сюжета перемещены во времени на несколько месяцев. Надеюсь, что такое малое отклонение спустя пять с половиной столетий — грех простительный. В остальном же историчность соблюдалась настолько точно, насколько позволяло тщательное и усердное изучение источников.

Вопрос о языке эпохи в исторических произведениях всегда требует такта и вкуса. В 1350 году высшие классы Англии все еще изъяснялись на нормандско-французском, хотя уже порой снисходили до английского. Низшие классы говорили на том английском языке, на котором создавалось «Видение о Петре Пахаре», то есть для современного читателя даже еще более трудном, чем французский их господ. Поэтому автору пришлось ограничиться попыткой воссоздать общий строй и манеру их речи, иногда вводя те или иные архаизмы для передачи ее стиля.

Я отдаю себе отчет в том, что современным читателям многие эпизоды могут показаться жестокими и отвратительными. Однако бессмысленно рисовать двадцатый век и именовать его четырнадцатым. Время было гораздо более суровое, а моральный кодекс, особенно в отношении жестокости, был совсем иным. В романе нет ни единого эпизода, для которого нельзя найти подтверждения в источниках. Изысканные законы рыцарственности были лишь тонкой пленкой на поверхности жизни, а под ней прятались варварство и звериная жестокость, чуждые милосердию. Это была грубая, нецивилизованная Англия, полная стихийных страстей, искупаемых

лишь такими же стихийными добродетелями. Вот такой я и стремился ее изобразить.

Каким бы ни получился роман, но своим созданием он обязан множеству книг. Я смотрю на свой письменный стол и радостно прощаюсь с теми из них, которые еще лежат на нем. Я вижу «Средние века» Лакруа, «Искусство войны» Омана, «Общее гербоведение» Ритстепа, «Историю Бретани» Бордери, «Книгу Сент-Олбенса», «Хронику Жослена Брейклонда» и «Старую дорогу» Бернерс, «Старинные доспехи» Хьюитга, «Геральдику» Куссена, «Оружие» Бутелла, «Чосеровскую Англию» Брауна, «Сцены Средневековья» Каста, «Бродячую жизнь» Джасренда, «Кентерберийских паломников» Уорда, «Рыцарство» Корниша, «Британского лучника» Хастингса, «Развлечения» Стратта, «Фруассара» Джонса, «Искусство стрельбы из лука» Харгрува, «Эдуарда III» Лонгмена, «Нравы и обычаи» Райта. Много месяцев они и многие другие были постоянными моими собеседниками. Если почерпнутое из них я не сумел слить воедино с должной силой, вина моя.

*Андершо
Октябрь 1906 года
Артур Конан Дойль*

Глава I

БЛАГОРОДНЫЙ ДОМ ЛОРИНГОВ

В месяце июле лета Господня одна тысяча триста сорок восьмого между днем святого Бенедикта и днем святого Суизина¹ произошло в Англии дотоле невиданное, ибо поднялась на востоке страховидная багровая туча, изнутри бурлящая, исполненная зла, и закружилась вверх по замершему небосводу. В тени сей невиданной тучи листья на деревьях поникали, птицы смолкали, а коровы и овцы боязливо жались к изгородям. Жуткая мгла окутала страну, и люди не спускали глаз с невиданной тучи, а сердца их тягостно сжимались. В испуге они укрывались в церквях и, дрожа, получали благословение и отпущение грехов от дрожащих священнослужителей. А снаружи — ни крика птицы, ни лесных шорохов, ни других простых и привычных звуков. Все замерло, ничто не шевелилось, и только огромная туча, клубясь, ползла вверх от черного горизонта. На западе еще голубело небо, но зловещий вал продолжал чуть заметно катиться с востока вверх и вперед, пока не заволок последние проблески голубизны и весь необъятный купол небес не навис над землей тяжелым свинцовым сводом.

И тут пошел дождь. Он шел весь день, и всю ночь, и всю неделю, и весь месяц, — и люди позабыли, как выглядят небесная синева и солнечный свет. Он не был проливным, а только непрерывным, холодным, нескончаемым, и люди изнемогали от его шороха и всплесков, от размеренного стука капель, падающих с кровли. А густая злая туча все клубилась и клубилась с востока на запад, проливаясь нескончаемым дождем. И сквозь завесу его струй люди, стоя на пороге своих жилищ, видели не дальше полета стрелы. Каждое утро они искали взглядом разрыв, в который проглянуло бы солнце, но видели лишь все ту же свинцовую пелену, и в конце концов они

¹ 15 июля. — *Здесь и далее примеч. перев.*

перестали смотреть вверх, отчаявшись дожидаться перемены. Дождь шел в день Петра в веригах и на Успенье и продолжал идти в Михайлов день¹. И травы пропитались влагой, почернели и сгнили на полях и лугах, потому что убирать их не имело смысла. Овцы передохли, и телята тоже, и когда подошел Мартынов день², а с ним и время солить мясо на зиму, засаливать оказалось нечего. Люди страшились голода, но ждало их испытание страшнее, чем голод.

Ибо дождь наконец перестал и слабое осеннее солнце озарило пропитанную водой полужидкую землю. Леса дымкой окутали вредоносные испарения и запахи мокрой гниющей листвы. На полях и лугах выросли чудовищные поганки, ни по величине, ни по цвету не имевшие себе никакого подобия — багряные, сизые, желчно-желтые, черные. Казалось, изнемогшая земля покрылась гнойниками. Стены заросли плесенью и лишайниками. А вместе с этими гнусными плодами захлебнувшаяся водой земля взрастила Смерть. Умирили мужчины, и женщины, и дети — барон у себя в замке, вольный хлебопашец у себя в усадьбе, монах в аббатстве и крепостной в глиняной мазанке. Все дышали одним смрадом, и всех губила одна моровая язва. Никто из сраженных ею не выздоровел, и все заболели и умирали одинаково — огромные нарывы, бред и черные пятна, отчего и назвали этот мор Черной Смертью. Всю зиму у дорог валялись гниющие трупы, их некому было похоронить. Во многих деревнях в живых не осталось ни единого человека. Наконец наступила весна, неся с собой солнечный свет, здоровье, веселье и смех, — самая зеленая, самая душистая, самая ласковая весна, какую когда-либо видела Англия. Но увидела ее лишь половина Англии — вторую половину унесла огромная багровая туча.

Однако именно в этих испарениях смерти, в этом смраде гниения родилась новая, более светлая, более свободная Англия. В этот самый темный час блеснул первый луч занимающейся зари. Ибо лишь великие потрясения и перемены могли вырвать нацию из железных цепей феодальной системы, сковавшей ее по рукам и ногам. Год смерти вызвал к жизни новую страну. Бароны погибли сотнями и тысячами — ведь ни самые высокие башни, ни самые глубокие рвы не могли укрыть их от косы Черной простолюдники. Жесткие законы утратили силу, потому что некому было приводить их в исполнение, а снова наложить раз сброшенные цепи оказалось

¹ 1 августа, 15 августа, 29 сентября.

² 11 ноября.

невозможным. Работник больше не хотел быть рабом. Крепостной разорвал опутавшие его узы. Дела предстояло так много, а тех, кто мог его выполнить, осталось так мало! И эти немногие должны были стать свободными, сами назначать плату за свой труд и работать там и на того, как хотелось им. Черная Смерть расчистила путь для великого восстания тридцать лет спустя, которое сделало английского крестьянина самым свободным по сравнению с остальными его собратьями в тогдашней Европе.

Но вряд ли в те дни нашлось бы даже несколько дальновзорких людей, способных увидеть, что и это зло обернется добром, как бывает всегда. Горе и разорение постигли каждую семью. Павший скот, небуранный хлеб, неспаханые поля... все источники благосостояния пересохли одновременно. Богатые стали бедными, но те, что уже были бедны, попали в поистине безвыходное положение, а тем более если их обременяла необходимость поддерживать достоинство своего благородного рода. По всей Англии дворян подстерегала нищета — ведь у них не было иного ремесла, кроме войны, и жили они чужим трудом. Многие поместья оказались на краю гибели, и особенно поместье Тилфорд, с давних времен принадлежавшее благородному роду Лорингов.

Было время, когда Лоринги держали земли от Норт-Даунсов до Френемских озер, когда их мрачный донжон, вздымающийся над пойменными лугами реки Уэй, был оплотом самой грозной крепости между Гилфордским замком на востоке и Винчестером на западе. Но начались баронские войны, и король воспользовался своими подданными, происходившими от англосаксов, как бичом, чтобы привести к повиновению свою нормандскую знать, и замок Лоринг, подобно многим знаменитым крепостям, сровняли с землей. С той поры Лоринги, чьи владения были беспощадно урезаны, жили в господском доме, куда прежде удалялась овдовевшая хозяйка замка, уступая место супруге нового главы рода. Концы с концами они сводили, но от былой пышности не осталось и помина.

А затем цистерианские монахи Уэверлийского монастыря по соседству затеяли с ними тяжбу, вознамерившись отобрать у них лучшие земли и присвоить феодальные права на остальные — вплоть до прекария и турбария. Великий процесс длился много лет; когда же решение было вынесено, церковники и законники поделили между собой наиболее лакомые куски, а Лорингам остался старый господский дом, откуда из поколения в поколение на очередную войну отправлялся рыцарь поддержать честь родового имени и по-

казать врагам пять алых роз на серебряном поле там, где они их видели всегда, — в первом ряду авангарда. В маленькой часовне, где Мэттью, домашний капеллан, каждое утро служил мессу, покоились двенадцать бронзовых рыцарей — надгробия двенадцати членов рода Лорингов. У двоих ноги были скрещены в знак их участия в Крестовых походах. Еще шестеро опирались стопами на львов, как павшие в битве. И лишь у ног четверых лежали бронзовые охотничьи псы, свидетельствуя, что их хозяева скончались в дни мира.

В году от Рождества Христова 1349-м имя этого прославленного, но обедневшего рода, вдвойне разоренного законом и чумой, носили лишь двое — благородная дама Эрминтруда Лоринг и ее внук Найджел. Супруг леди Эрминруды пал под Стерлингом, отражая натиск шотландских копейщиков, а ее сын Юстес, отец Найджела, доблестно погиб за девять лет до начала этой хроники на корме нормандской галеры в морском сражении при Слейсе. Одинокая старуха, столь же яростная и сумрачно гордая, как сокол в клетке у нее в опочивальне, была ласкова только с юношей, которого вырастила. Вся любовь и нежность, так глубоко спрятанные в ее натуре, что никто о них даже не догадывался, были отданы ему. Она не желала расставаться с ним, а он, почитая старшую в роде, как того требовали обычаи века, не мог никуда уехать без ее согласия и благословения.

И вот Найджел, с сердцем льва в груди и кровью сотен воинов, бурлящей в его жилах, на двадцать втором году жизни без толку коротал томительные дни, наманивал пущенных в небо соколов, надевая на них путы и клубочки, или обучал охотничьих псов, которые делили с хозяевами большую залу.

День за днем престарелая леди Эрминтруда видела, как он крепнет и мужает. Некоторый же недостаток роста искупался железными мышцами и пламенным духом. Отовсюду — от коменданта Гилфордского замка, с ристалища Фарнема — до нее доходили вести о том, какой он смелый наездник, как он беззаветно храбр, как искусно владеет любым оружием, и все-таки она, кого кровавая смерть лишила супруга и сына, не могла вынести мысли, что последний из Лорингов, единственная уцелевшая почка прославленного старого древа, разделит ту же судьбу. Изнывая душой, но сохраняя улыбку на лице, Найджел терпел свою монотонную жизнь, а его бабушка все откладывала и откладывала злой час разлуки: вот когда кончится недород, вот когда монахи Уэверли вернут то, что присвоили, вот когда его дядя умрет и оставит ему деньги, чтобы он мог достойно

снарядить себя, вот когда... ну, словом, она ссылалась на любой предлог, лишь бы удержать его возле себя.

Но и правда, Тилфорду требовался хозяин, потому что мир между аббатством и господским домом восстановлен не был и монахи находили то один, то другой предлог отрезать у своих соседей еще один ломоть их земли. На том берегу извилистой реки над зелены-

ми лугами высились тяжелая квадратная башня и мощные серые стены угрюмого аббатства, где днем и ночью звонил колокол, точно беспрестанно угрожая маленькому поместью.

И эта хроника дней былых должна начаться в самом сердце богатого цистерианского монастыря: мы расскажем о вражде между монахами и домом Лорингов, о тех событиях, к которым она привела, опишем приезд Чандоса, небывалый поединок у тилфордского моста и подвиги Найджела на войне, снискавшие ему славу. В хронике «Белого отряда» уже описано, каким человеком был Найджел Лоринг. Те, кому он пришелся по сердцу, могут прочесть здесь, как и почему он стал таким. Отправимся же вместе в прошлое и обозрим зеленую сцену Англии. Декорации — холм, равнина, река — совсем такие, как нынче, актеры же во многом неотличимы от нас самих, а во многом и в мыслях, и в поступках столь от нас далеки, будто обитали они на иной планете.

Глава II

КАК ДЬЯВОЛ ЯВИЛСЯ В УЭВЕРЛИ

День был первое мая, день святых апостолов Иакова и Филиппа. Год же был одна тысяча триста сорок девятый от Рождества Спасителя нашего.

После девятичасовой молитвы и до полуденной, а потом после полуденной молитвы и до трехчасовой аббат Джон, настоятель Уэверлийской обители, занимался делами у себя в приемной, исполняя многотрудные обязанности, возложенные на него вместе с саном. На много миль вокруг на юг и на север, на запад и восток раскинулись плодородные земли процветающего монастыря, всевластным хозяином которого он был. В самом их сердце поднимались массивные здания аббатства — церковь и кельи, трапезная, странноприимный дом и дом капитула, полные хлопотливой жизни. За распахнутыми окнами слышались приглушенные голоса братьев, которые прохаживались по аркаде внизу, занятые благочестивой беседой. С той стороны внутреннего двора доносились переливы духовного песнопения — там регент разучивал его с хором, а зычный голос брата Питера гремел в доме капитула, где он растолковывал послушникам устав святого Бернарда.

Аббат Джон поднялся, чтобы размять затекшие ноги. Он обвел взглядом зеленеющую траву и изящные готические арки открытой

галереи, под сводом которой прогуливались братья. Облаченные в черно-белые одеяния, склонив головы, они медлительным шагом попарно описывали круг за кругом. Наиболее усердные принесли из скриптория свои рукописи, разложили под ласковым солнцем свои дощечки с красками и сусальным золотом и, сутуля плечи, склонялись над белыми листами бумаги. А неподалеку расположился чеканщик со своими резцами. Хотя ученость и искусства не были у цистерцианцев в той же чести, как у ордена бернардинцев, из которого они выделились, библиотека Уэверли могла похвастать множеством как бесценных книг, так и благочестивых ревнителей книжной мудрости.

Однако истинную славу свою цистерцианцы видели в трудах под открытым небом, и по галерее, возвращаясь с полей или из сада, то и дело проходили братья-трудники, чьи лица были обожжены солнцем, рясы подсушены, а руки сжимали выпачканные в земле мотыги или лопаты. Сочные пойменные луга, где паслись тонкорунные овцы, хлебные поля, отвоеванные у вереска и папоротника, виноградники на южном склоне холма Круксбери, цепь рыбных садков, осушенное, превращенное в огороды болото, вместительные голубятни опоясывали величавое аббатство как видимые доказательства усердия его обитателей.

Круглое румяное лицо аббата, пока он оглядывал свое внушительное хозяйство, светилось тихим довольством — такой образцовый царил везде порядок. Как всякий глава богатой обители, аббат Джон — четвертый настоятель, носивший это имя, — был наделен многими талантами и достоинствами. Через посредство им самим выбранных помощников он управлял обширным имением и держал в строгости и благочинии многочисленных обитателей монастыря, удалившихся туда от житейских соблазнов. С теми, кто был ему подчинен, он был суровым и требовательным начальником, но с теми, кто стоял выше его, — ловким и обходительным дипломатом. Он вел ученые беседы с соседними аббатами и лордами, с епископами и папскими легатами, а порой и с его величеством королем. Он должен был разбираться в самых разных предметах — ведь ему приходилось выносить решения и по вопросам церковной доктрины, и по вопросам земледелия, архитектуры, охраны лесов, осушения болот и соблюдения феодального права. Он олицетворял собой правосудие во всех держаниях аббатства, которые охватывали небольшую часть Гемпшира и Суррея. Монахам его неудовольствие грозило долгой епитимьей, ссылкой в более строгую обитель или даже

темницей и цепями. И мирян он мог подвергнуть любой каре, кроме смерти телесной, зато в его власти было отлучить их от церкви, то есть обречь на гибель духовную, куда более страшную.

Таково было могущество аббата, и неудивительно, что его румяное лицо несло печать властности и что монахи, подняв глаза и увидев в окне это лицо, потуплялись еще смиреннее, а выражение их становилось еще благочестивее.

Стук в дверь напомнил аббату о сиюминутных заботах, и он вернулся к своему столу. Он уже беседовал нынче с келарем и коадью-

тором, с подателем милостыни, капелланом и чтецом, но теперь, в ответ на его разрешение, в дверь вошел высокий тощий монах, самый важный и самый доверенный из его помощников, брат Сэмюэл, ключарь, обязанности которого в миру соответствовали обязанностям управителя, так что материальное благополучие монастыря и сношения с суетным светом находились полностью в его ведении. Во всем, что касалось их, он поступал по своему усмотрению, отвечая только перед аббатом. Брат Сэмюэл был жилистым стариком с узловатыми руками, острые черты его хмурого лица не озарялись светом духовным и отражали лишь вечную озабоченность суетными мирскими делами и хлопотами. Под мышкой он нес толстую счетную книгу, в другой руке сжимал тяжелую связку ключей — знак его должности, а также в минуты раздражения и орудие наказания, как свидетельствовали шрамы на головах многих вилланов и братьев-трудников.

Аббат устало вздохнул, потому что и ему приходилось терпеть немало мучений от своего усердного управителя.

— Так что же привело тебя сюда, брат Сэмюэл? — осведомился он.

— Святой отец, я пришел доложить, что продал шерсть мастеру Болдуину в Винчестере на два шиллинга за тюк больше, чем в прошлом году, потому что из-за падежа овец цена повысилась.

— Ты поступил похвально, брат Сэмюэл.

— Еще я должен доложить тебе, что выселил лесника Уота из его дома. Он не уплатил рождественский оброк и прошлогодние недоимки за кур.

— У него, брат Сэмюэл, жена и четверо детей.

Аббат был добродушным человеком, хотя легко уступал настояниям своего не столь мягкосердечного ключаря.

— Истинно так, святой отец. Но если я спущу ему, как же мне взыскивать недоимки с лесников Путтенема или вилланов в деревнях? О таком снисхождении сразу узнают повсюду, и что тогда останется от богатств Уэверли?

— Что еще, брат Сэмюэл?

— Рыбные садки, святой отец.

Лицо аббата посветлело. Тут он был знатоком. Устав ордена отказывал ему во многих радостях жизни, а потому он весьма ценил те, которые были дозволены.

— Как там форель, брат Сэмюэл?

— Форель благоденствует, святой отец. Но в садке, где содержится рыба для твоего стола, не осталось ни одного карпа.

— Карпам требуется галечное дно. И пускать их в садок необходимо в точной пропорции — три самца на одну самку, брат ключарь, а место для садка нужно выбрать безветренное, каменистое и песчаное, и рыть на глубину двух локтей, и чтобы по берегам были ивы и трава. Ил для линя, брат Сэмюэл. А для карпа — галька.

Ключарь наклонился к нему, как вестник скорби.

— В садке с карпами завелись щуки, — сказал он.

— Щуки! — вскричал аббат в ужасе. — Да лучше уж пустить волка в нашу овчарню. Но как могла попасть щука в садок? Никаких щук весной там не было, а щуки не падают с дождем и не выныривают из источников. Садок необходимо осушить, не то в Великий пост нам придется есть вяленую рыбу и всю братию поразит тяжелая хворь, прежде чем Светлое Воскресенье положит конец нашему воздержанию.

— Садок будет осушен, святой отец. Я уже отдал распоряжение. В ил мы посадим душистые травы для нашего стола, а когда срежем их, снова наполним верхний садок водой и рыбами из нижего — пусть жиреют, обедая оставшиеся стебли.

— Превосходно! — воскликнул аббат. — По-моему, в каждом хорошем хозяйстве надобно иметь три садка — осушенный под травы, мелкий под мальков и молоди и глубокий под взрослых рыб, а их часть брать для стола, остальных же оставлять плодиться. Но ты не ответил мне, как могли попасть щуки в монастырский садок?

Гримаса ярости исказила угрюмое лицо ключаря, и его костлявые пальцы так сжали связку ключей, что они звякнули.

— Желторотый Найджел Лоринг! — сказал он. — Мальчишка поклялся чинить нам вред, и вот его месть.

— Откуда тебе это ведомо?

— Полтора месяца назад он изо дня в день удил щук в большом Френемском озере. Его там видели. А потом его дважды встречали по ночам на Хэнклейском холме. Под мышкой он нес связку соломы. И уж конечно, солома была мокрая, а внутри связки лежала живая щука.

Аббат покачал головой:

— Я слышан о необузданности этого юноши, но теперь, если ты говоришь правду, он перешел все пределы. Достаточно дурно было и то, что он, по слухам, охотился на королевских оленей в Вулмерском лесу, а также проломил голову разносчику Хоббсу, который неделю пролежал между жизнью и смертью у нас в лазарете, и спасло его только искусство брата Питера, лечащего травами.

Но пустить щук в монастырский садок... что могло толкнуть его на столь дьявольское дело?

— Он же ненавидит Уэверлийское аббатство, святой отец, за то, что мы, дескать, завладели землями его родителя.

— Но ведь сие отчасти правда.

— Святой отец! Мы владеем только тем, что нам принадлежит по закону.

— Справедливо, брат Сэмюэл, однако, говоря между нами, бывает, что более тяжелый кошелек перевешивает чашу весов правосудия. Когда я проезжал мимо старого дома и видел старуху с морщинистым лицом, чьи злобные глаза шлют мне проклятия, которые произнести вслух она не смеет, то не раз желал, чтобы у нас были другие соседи.

— Желание твое, святой отец, мы скоро исполним. Об этом я как раз и собирался доложить тебе. Нам, несомненно, не составит труда изгнать их из здешних мест. Над ними ведь висит неуплата щитовых денег за тридцать лет, а стряпчий Уилкинс по моему поручению составит такой перечень причитающихся с них платежей, что придется этим гордецам, чья нищета равна их высокомерию, продать крышу у себя над головой, лишь бы расплатиться. Не долее чем через три дня они будут у нас в руках.

— Они принадлежат к старинному и славному роду, брат Сэмюэл. Я не хотел бы обойтись с ними слишком сурово.

— Вспомни о щуках в рыбном садке!

Аббат вспомнил, и сердце его ожесточилось.

— Деяние поистине дьявольское — мы же только-только пустили туда новых форелей и карпов. Ну что же, закон есть закон, и, если ты сумеешь обратить его им во вред, нарушения его в том не будет. А уплаты от них уже потребовали?

— Дикон, управитель, вчера ходил в господский дом с двумя своими помощниками, и они еле унесли ноги. Бежали во всю прыть с воплями, а этот бешеный сорвиголова гнался за ними по пятам. Он ростом мал и на вид щуплый, но от ярости силы его удесятяряются. Управитель клянется, что пойдет туда снова, только если с ним пошлют пяток лучников.

Услышав об этой новой дерзости, аббат побагровел от гнева:

— Я покажу ему, что служители церкви, хотя среди ее детей и нет никого смиренней и ниже нас, тех, кто следует заветам святого Бернарда, способны постоять за своих против дерзких насильников! Иди вызови этого человека в суд аббатства! Пусть явится в дом капитула после утренней молитвы.

Но осмотрительный ключарь покачал головой:

— Нет, святой отец, время еще не пришло. Прошу тебя, дай мне три дня, чтобы собрать все обвинения против него. Не забудь, что дед и отец этого непокорного сквайра в свое время слыли лучшими рыцарями на службе самого короля, были в большой чести у него и, снискав славу, пали, исполняя рыцарский долг. А леди Эрминтруда Лоринг была первой дамой при дворе матери нашего государя. Роджер Фиц-Алан, владетель Фарнема, и сэр Хью Уолкотт, комендант Гилфордского замка, оба были товарищами по оружию отца Найджела и состоят с ним в родстве по материнской линии. Уже шли разговоры, что мы обошлись с ними без милосердия. А потому мой совет — мудро выждать, пока чаша дурных его деяний не переполнится.

Аббат открыл было рот, чтобы ответить, но тут их беседу прервали неподобающе громкие восклицания монахов в галерее под окном. Возбужденные вопросы и ответы разносились по двору. Ключарь и аббат в изумлении уставились друг на друга, пораженные тем, что вышколенная ими братия позволяет себе подобное нарушение монастырской дисциплины и благопристойности. Но в ту же минуту на лестнице послышались торопливые шаги, дверь распахнулась, и в нее вбежал белый как мел монах.

— Отче аббат! — возопил он. — Увы! Увы! Брат Джон убит, и святой помощник коадьютора убит, а на пятивиргатном поле бесчинствует дьявол!

Глава III ЗЛОТой КОНЬ ИЗ КРУКСБЕРИ

В те простодушные времена жизнь являла собой чудо и глубокую тайну. Человек ходил по земле в трепете и боязни, ибо совсем близко над его головой находились Небеса, а под его ногами совсем близко прятался Ад. И во всем ему виделась рука Божья — и в радуге, и в комете, и в громе, и в ветре. Ну а дьявол в открытую бесчинствовал на земле. В сумерках он устраивал засаду позади живой изгороди, он зычно хохотал в ночном мраке, он рвал когтями грешника на смертном одре, хватал некрещеного младенца и сводил судорогой члены эпилептика. Гнусный враг рода человеческого вечно таился за плечом человека, нашептывал ему черные помыслы,

толкал на злодейства, пока над головой у него, смертного, витал ангел-хранитель, указывая ему узкий и крутой путь добра. Да и как же было усомниться в истинности всего этого, коли сам Папа, священнослужители, ученые мудрецы и король на своем троне верили — и верили истово? И на всем белом свете не раздавалось ни единого возражения?

Каждая прочитанная книга, каждая увиденная картина, каждая история, рассказанная нянькой или матерью, — все учили тому же. А вера тех, кому доводилось ездить по свету, только укреплялась: повсюду им встречались храмы и часовни, где хранились те или иные реликвии того или иного святого, окруженные легендами

о бесчисленных нескончаемых чудесах, доказательством которых служили груды костылей, оставленные там исцеленными, и серебряные вотивные сердечки, висящие вокруг. Куда бы человек ни обратил взгляд, он раз за разом убеждался, сколь тонка завеса, отделяющая его от ужасных обитателей невидимого мира, и сколь легко она рвется.

Вот почему слова перепуганного монаха показались тем, к кому были обращены, очень страшными и ничуть не смешными. Румяные щеки аббата даже побелели на миг, однако он взял со стола распятие и храбро поднялся на ноги.

— Веди меня к нему! — приказал он. — Покажи мне гнусное исчадие ада, посмевшее наложить лапу на братьев благочестивой обители святого Бернарда. Беги к моему капеллану, брат! Пусть приведет с собой брата, сподобившегося изгонять бесов, и принесет реликварий, а также хранящуюся в алтаре раку с костями святого Иакова. Они и наши смиренные сердца помогут нам возобладать над всеми силами тьмы.

Однако ключарь был наделен более скептическим умом. Он стиснул руку монаха повыше локтя с такой силой, что ее надолго украсили пять синяков.

— Разве входят в келию аббата, не постучав, не склонив головы или хотя бы не сказав «*Pax vobiscum*»?¹ — грозно спросил он. — Не ты ли был самым кротким из наших послушников? В доме капитула не поднимал глаз, истово пел в хоре и ревностно соблюдал все правила устава. Так опомнись же и отвечай на мои вопросы без уверток. В каком обличии явился гнусный бес и как навлек гибель на наших братьев? Видел ли ты его собственными глазами или повторяешь услышанное от других? Говори же, или тотчас пойдешь и встанешь на скамью покаяния в доме капитула!

Эта речь несколько образумила напуганного монаха, хотя совсем белые губы, выпученные глаза и прерывистое дыхание свидетельствовали, какой страх он продолжает испытывать.

— С твоего разрешения, святой отец, и твоего, преподобный ключарь, случилось это так. Джеймс, помощник коадьютора, брат Джон и я после второй молитвы резали папоротник на холме Хэнкли для коровника. А когда возвращались в обитель через пяти-виргатное поле, святой отец Джеймс начал было благочестиво рассказывать нам житие святого Григория, как вдруг раздался шум,

¹ Мир вам (*лат.*).

словно бы бушующего потока, и гнусный бес перепрыгнул через высокую стену вокруг луга и кинулся к нам быстрее ветра. Брататрудника он сбил с ног и втоптал в рыхлую землю. Потом ухватил зубами доброго отца Джеймса и помчался по полю, встряхивая его, точно узел старого тряпья. Пораженный таким зрелищем, я застыл на месте, прочитал «Верую» и три «Богородицы», но тут дьявол бросил отца Джеймса и ринулся на меня. С помощью святого Бернарда я перелез через стену, но он успел хватануть меня зубами за ногу и вырвать целую полосу из моего одеяния.

В подтверждение этого он повернулся и показал лохмотья, в которые превратился сзади его длинный балахон.

— Но в каком же облики явился Сатана? — нетерпеливо спросил аббат.

— Огромного желтого, точно золото, коня, святой отец. Лютого жеребца с огненными глазами и зубами дракона.

— Желтого жеребца! — Ключарь свирепо уставился на злополучного монаха. — Ах ты, глупец! Случись и в самом деле князю тьмы предстать перед тобой, как же поведешь ты себя, коли испугался желтой лошади? Отче, это жеребец вольного хлебопашца Эйльварда, взятый нами за те пятьдесят полновесных шиллингов, которые он нам задолжал, а уплатить никак не может. Говорят, такого скакуна не найти нигде, опричь королевских конюшен. Отец у него испанский боевой конь, а мать — арабская кобыла тех же кровей, что и кони, которых Саладин держал только для себя и, по слухам, делил с ними свой шатер. Я забрал жеребца в уплату долга и велел работникам, которые привели его связанным, снять с него веревки на огороженном заливном лугу и оставить там одного, ибо слышал, что норв у него самый злобный и он уже не одного человека убил до смерти.

— Черным был день для Уэверли, когда ты задумал привести в его пределы такое чудовище, — молвил аббат. — Если помощник коадьютора и брат Джон и правда убиты, то конь этот пусть и не сам дьявол, но уж несомненно его орудие.

— Конь он или дьявол, святой отец, только я своими ушами слышал, что он вопил от радости, когда топтал брата Джона. А коли бы вы видели, как он тряс отца Джеймса, будто пес крысу, так, чаю, подумали бы то же, что и я.

— Так идемте же! — воскликнул аббат. — Посмотрим своими глазами, какое зло совершено.

И все трое поспешили вниз по лестнице, которая вела в галерею.

Едва они спустились, как худшие их страхи развеялись: во двор как раз вошли в порванной одежде, с ног до головы перепачканные в земле оба предполагаемые покойника, окруженные и поддерживаемые сочувствующими братьями. Однако шум и вопли, доносившиеся снаружи, свидетельствовали, что там разыгрывается новая трагедия, и аббат с ключарем поспешили туда со всей быстротой, совместимой с их достоинством, и, пройдя ворота, приблизились к ограде и заглянули за нее. Их глазам представилось редкостное зрелище.

Там в сочной траве по бабки стоял великолепнейший конь — такой, о каком грезят ваятель и воин. Светло-рыжая масть, а грива и хвост отливают золотом. Рост — семнадцать ладоней в холке. Мощная грудь и крутой круп свидетельствовали о гигантской силе,

однако изящные очертания выгнутой шеи, плеч и ног говорили о чистопородности. И как же он был красив в эту минуту, когда, широко расставив передние ноги и чуть присев на задние, гордо откинув голову, насторожив уши и вздыбив гриву, гневно раздувал красные ноздри и с надменной угрозой косил сверкающими глазами!

Шестеро монастырских прислужников и лесников, каждый держа наготове аркан, подкрадывались к нему со всех сторон. Внезапно могучий конь грациозно взвизвал в воздух и бросался на одного из людей, покушавшихся на его свободу. Шея вытягивалась, грива колыхалась на ветру, зубы сверкали, и он преследовал вопящую жертву до самой ограды, остальные же быстро забежали сзади и пытались набросить арканы на голову и ноги, но тут же в свою очередь еле улепетывали.

Если бы два аркана затянулись одновременно и если бы людям удалось захлестнуть их концы за пень и большой камень, человеческий разум возобладал бы над быстротой и силой. Но те, кто воображал, будто одного аркана будет достаточно, особой ясностью разума похвастать не могли и только подвергали себя напрасной опасности.

И неизбежное случилось как раз в ту минуту, когда аббат и его спутники поглядели через ограду. Конь, загнав за нее очередного врага, задержался там, презрительно фыркая, и остальные сумели подобраться к нему сзади. Арканы взвились в воздух, одна петля опоясала гордую холку и утонула в пышной гриве. Во мгновение ока взбешенный жеребец обернулся, и люди опрометью бросились врассыпную. Но лесник, столь удачно набросивший аркан, замешкался, не зная, как воспользоваться своим неожиданным успехом. Это промедление оказалось роковым. Раздался отчаянный вопль — гигантский жеребец взвился над беднягой, и тут же передние копыта опустили и опрокинули его наземь. Он вскочил, был снова опрокинут и остался лежать, дрожа, весь окровавленный, а разъяренный жеребец, в минуты бешенства самый свирепый и страшный зверь на свете, схватил зубами, встряхнул и бросил себе под копыта извивающееся тело.

Рты увенчанных тонзурой голов над оградой раскрылись было в стенании, полном ужаса, но оно тут же оборвалось, а затем наступившую на миг мертвую тишину прервали крики радости и благодарности.

СОДЕРЖАНИЕ

СЭР НАЙДЖЕЛ

Перевод И. Гуровой

Предварение.....	7
Глава I. Благородный дом Лорингов.....	9
Глава II. Как дьявол явился в Уэверли.....	15
Глава III. Златой конь из Круксбери.....	21
Глава IV. Как в тилфордский господский дом явился стряпчий.....	39
Глава V. Как аббат Уэверли судил Найджела.....	55
Глава VI. В которой леди Эрминтруда отпирает железный сундук.....	71
Глава VII. Как Найджел поехал торговаться в Гилфорд.....	81
Глава VIII. Как король тешился соколиной охотой на круксберийских вересках.....	98
Глава IX. Как Найджел оборонял Тилфордский мост.....	110
Глава X. Как король приветствовал сенешаля своего верного города Кале.....	120
Глава XI. В доме Рыцаря Дупплина.....	133
Глава XII. Как Найджел сразился с Шалфордским горбуном.....	146
Глава XIII. Как товарищи ехали по старой-старой дороге.....	161
Глава XIV. Как Найджел гнался за Рыжим Хорьком.....	185
Глава XV. Как Рыжий Хорек явился в Косфорд.....	210
Глава XVI. Как королевский двор пировал в замке Кале.....	221
Глава XVII. Испанцы в море.....	233
Глава XVIII. Как Черный Саймон потребовал у короля Сарка выигранный залог.....	255
Глава XIX. Как английский оруженосец повстречал французского оруженосца.....	267

Глава XX. Как англичане хотели взять замок Ла-Броиньер.....	287
Глава XXI. Как второй вестник явился в Косфорд	301
Глава XXII. Как в Плоэрмель прибыл Робер Бомануар.....	318
Глава XXIII. Как тридцать жосленцев встретились с тридцатью плоэрмельцами.....	327
Глава XXIV. Как господин Найджела призвал его к себе	343
Глава XXV. Как французский король держал совет в Мопертюи ..	357
Глава XXVI. Как Найджел совершил свой третий подвиг	367
Глава XXVII. Как третий вестник явился в Косфорд	388

БЕЛЫЙ ОТРЯД

Перевод В. Станевич

Глава I. О том, как паршивую овцу изгнали из стада	397
Глава II. Как Аллейн Эдриксон вышел в широкий мир.....	406
Глава III. Как Хордл Джон нашел сукновала из Лимингтона	411
Глава IV. Как Саутгемптонский Бейлиф прикончил двух бродяг ..	416
Глава V. Как в «Пестром кобчике» собралась странная компания ..	427
Глава VI. Как Сэмкин Эйлвард держал пари на свою перину	438
Глава VII. Три приятеля идут через лес.....	450
Глава VIII. Три друга	461
Глава IX. О том, что в Минстедском лесу иногда случаются странные вещи	471
Глава X. Как Джон из Хордла встретил человека, за которым готов был бы пойти	488
Глава XI. Как молодой пастух стерег опасное стадо	505
Глава XII. Как Аллейн научился тому, чему сам не мог научить ..	517
Глава XIII. Как белый отряд отправился воевать.....	526
Глава XIV. Как сэр Найджел искал дорожных приключений	533
Глава XV. Как желтое рыбацкое судно отплыло из Липа	542
Глава XVI. Как желтый корабль сражался с двумя пиратскими галеасами	555
Глава XVII. Как желтый корабль прошел через риф Жиронды	562
Глава XVIII. Как сэр Найджел Лоринг посадил себе мушку на глаз	569
Глава XIX. Как спорили рыцари в аббатстве Святого Андрея.....	579

СОДЕРЖАНИЕ

Глава XX. Как Аллейн завоевал себе место в почетном цехе	589
Глава XXI. Как Агостино Пизано рисковал головой	599
Глава XXII. Как лучники пировали в «Розе Гиени»	608
Глава XXIII. Как Англия сражалась на турнире в Бордо	615
Глава XXIV. Как с востока прибыл странствующий рыцарь	623
Глава XXV. Как сэр Найджел писал в замок Туайнем	633
Глава XXVI. Как три друга нашли сокровище	638
Глава XXVII. Как колченогий Роже попал в рай	650
Глава XXVIII. Как друзья перешли границы Франции	658
Глава XXIX. Как наступил для леди Тифен благословенный час прозрения	670
Глава XXX. Как мужики из леса проникли в замок Вильфранш	680
Глава XXXI. Как пять человек удержали замок Вильфранш	688
Глава XXXII. Как отряд держал совет вокруг поваленного дерева	698
Глава XXXIII. Как армия совершила переход через Ронсеваль	704
Глава XXXIV. Как отряд развлекался в долине Памплоны	711
Глава XXXV. Как сэр Найджел охотился за орлом	721
Глава XXXVI. Как сэр Найджел снял мушку с глаза	732
Глава XXXVII. Как Белый отряд перестал существовать	745
Глава XXXVIII. Возвращение в Гемпшир	753

Дойль А. К.

Д 62 Сэр Найджел ; Белый отряд : романы / Артур Конан Дойль ; пер. с англ. яз. И. Гуровой, В. Станевич. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 768 с. : ил. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-15705-7

Два знаменитых исторических романа сэра Артура Конан Дойля: «Сэр Найджел» и «Белый отряд» — повествуют о событиях середины XIV века, о Столетней войне между Англией и Францией. В ее битвах с обеих сторон сражались рыцари — особая каста людей, для которых слава собственного оружия, честь возлюбленной и короля превыше всего. Таков и сэр Найджел Лоринг, отважнейший из отважных, и его спутник — лучник Сэмкин Эйлвард. Главные герои и их друзья переживают множество разнообразных приключений на суше и на море, в неумолимо меняющемся мире, где слишком многое начинает решать не честь, а звонкая монета, где на смену верному клинку приходят ядра и пули...

Издание сопровождают иллюстрации художников Артура Твидла и Ньюэлла Конверса Уайета.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АРТУР КОНАН ДОЙЛЬ

СЭР НАЙДЖЕЛ

БЕЛЫЙ ОТРЯД

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Сергей Шикин
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректоры Маргарита Ахметова,
Лариса Ершова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать 25.12.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 48. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

V-ILN-24688-01-R